

Ирина Щеглова

Новогодняя история о любви для девочек

Ирина Щеглова
Снежное свидание

«Автор»

2008

Щеглова И. В.

Снежное свидание / И. В. Щеглова — «Автор», 2008

ISBN 978-5-699-31425-6

Приближение Нового года совсем не радовало Василису. Еще бы: ведь вчера ее бросил парень, а сегодня она отправляется встречать праздник к бабушкам, в глухую деревню. Правда, не одна, а с верной подругой Дашкой. Девчонки всерьез готовились умереть на каникулах со скуки, но вместо этого... познакомились с очень интересными ребятами. Теперь Василисе нужно разобраться в своих чувствах и решить, что лучше: возвращение прошлого или... новый роман?

ISBN 978-5-699-31425-6

© Щеглова И. В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ирина Щеглова

Снежное свидание

Глава 1

Предпраздничный облом, или Как меня бросил парень

Все было плохо. А стало еще хуже. Потому что Новый год накрылся!

Сказать, что я была в отчаянии – значит не сказать ничего.

Еще совсем недавно, буквально пару недель назад, у меня был парень, я витала в облаках, строила грандиозные планы и готовилась к празднику.

А потом все рухнуло. В одночасье. Бум! Нет, скорее: ба-бах!

Помню, как я бежала после уроков по школьной лестнице, весело болтая с Дашкой, как неслась по ступенькам, потом торопливо натянула куртку, скорее, скорее! Ведь он ждет меня!

Он действительно стоял на крыльце, я хотела прыгнуть сзади, закрыть ему глаза ладонями: «Угадай, кто это?» Но не прыгнула. Он говорил по телефону: «Да, заяц, конечно, я помню. Разумеется, приду. До вечера, чмок в нос». И еще всякие разные противные нежности, не хочу вспоминать.

Я стояла столбом за его спиной, а за мной стояла Дашка и тоже все слышала. Он медленно повернулся, по лицу скользнула довольно глупая улыбка. И как я раньше не замечала, до чего же глупо он улыбается. Он не испугался, даже не смутился, как будто ничего не произошло.

– Привет, – сказал он.

– Скорее – пока, – сквозь зубы произнесла я. Не оборачиваясь, дернула Дашку за руку и, больше не глядя на него, спустилась со школьного крыльца.

Он даже не окликнул меня.

– Что это было? – спросила Дашка, когда мы вышли со двора.

– Если бы я знала, – ответила я. До меня еще не дошло. Посто старалась уйти подальше от школы, от ненужных вопросов и взглядов, от него и его телефона.

– Лиса, я знаю, кому он звонил, – выдала запыхавшаяся Дашка. Это она меня так называет: Лиса, или Лиска. На самом деле меня зовут Василиса. Имя красивое, не спорю, только в школе за глаза кличут Васькой. А так – ничего.

– Он звонил той, белобрысой из соседней школы.

– Мне неинтересно, – отрезала я.

Ничего подобного! Мне было ужасно интересно, меня прямо-таки подмывало расспросить Дашку, что за белобрысая, откуда, давно ли они познакомились и почему Дашка знает о ней, а я нет. Но расспрашивать – значит показывать свою слабость. А мне сейчас требовалась вся моя сила воли, только чтоб не разреветься посреди сырого декабрьского города, на глазах у прохожих. Нет, нет, держаться! Дом совсем рядом. Уж там я наревусь всласть. Только бы дома никого не было.

Но Дашка не отставала.

– Что же теперь будет? – испуганно спросила она.

– Ничего, Даш, иди домой, а?

Мы стояли у моего подъезда и смотрели друг на друга.

– Ты как? – не выдержала Дашка.

– Нормально.

Едва сдерживаясь, чтоб не разреветься, я бросилась в подъезд, оставив на улице растерянную подругу.

Дома снова не повезло. Меня встретила мама.

Глава 2

Мне грозит поездка в деревню

Мама возилась на кухне. Выглянув в коридор, где я с остервенением пыталась стащить сапоги, она улыбнулась и сказала:

– Привет!

Еще она сказала:

– Иди обедать.

А когда я вышла из ванной с красным от холодной воды лицом, с трудом натянув на себя спокойствие, еле сдерживаясь, чтоб не зарыдать, села за стол, растянув губы в резиновой улыбке, когда я нашла в себе силы не завывать, не нагрубить, не сбежать в свою комнату, мама спросила:

– Как дела в школе?

– Нормально.

Она поставила передо мной тарелку. Почувствовав запах еды, я поняла, что есть не смогу. Но все-таки взяла ложку и повозила ею в супе, для видимости. Я думала: «Хоть бы мама поскорее вышла из кухни, хоть бы она больше не заговаривала со мной, хоть бы обед поскорее закончился!»

Сегодня был не мой день.

Мама села напротив:

– Какие у тебя планы на Новый год?

Ложка дрогнула, звякнув о край тарелки.

– Никаких.

В маминых глазах скользнуло легкое беспокойство и сразу же погасло, уступив место радости.

– Вот и хорошо, – сказала она, – дело в том, что я хотела попросить тебя поехать к моим тетушкам в деревню. Старушки там совсем одни. Мы с папой идем в гости, так что прибудем к вам первого января к вечеру или второго. А ты уж поезжай пораньше. – И она мило улыбнулась.

Вот это новость!

Гениально!

Я проведу Новый год в обществе двух деревенских бабушек и телевизора. Да, хуже придумать уже невозможно.

И что мне оставалось делать?

Ничего.

Я согласилась.

А потом, закрывшись в комнате, бросилась на диван и долго рыдала, до тех пор, пока слезы не кончились. Я все представляла себе своего парня. Нет, теперь уже не моего, а того, кто еще вчера считался моим.

Пашка из параллельного десятого класса. Мы начали встречаться с осени, после школьной вечеринки. С ним было весело. И еще: он казался таким надежным, правильным. Мне бы и в голову не пришло, что Пашка может предать вот так, запросто. А ведь мы так чудесно проводили время! С ним было очень легко. Мы даже целовались!

Может, я чего-то не понимаю? Пашка был первым парнем, с которым я встречалась всерьез. Возможно, я сделала что-то не так? Мне казалось, мы прекрасно понимаем друг друга. Выходит, ошибалась?

Представляла себе, как он гуляет сейчас по городу с незнакомой мне девчонкой. Я ее никогда не видела, знала только, что у нее светлые волосы. Примеряла к ней разные лица, ее облик все время плыл, размывался, неизменными были только эти белые волосы.

Так вот они гуляли вдвоем по нашим любимым улицам, держались за руки, смеялись, и он смотрел на нее так же, как когда-то смотрел на меня. Это было невыносимо.

Я переключилась. Вспомнила всех его друзей, как мило они со мной общались, совсем по-приятельски. Как мы готовились к Новому году, как это было весело – планировать праздник. Мы с Дашкой столько всего придумали, даже книжку купили с разными играми. Я знала, что надена, где мы соберемся, куда пойдем, что будем делать. Я все знала, но теперь мое знание не стоило ничего, потому что я больше в этом не участвовала. Мое место заняла другая.

А я еду к бабушкам в глухую деревню. Вот и вся моя жизнь.

На следующее утро притворилась больной и не пошла в школу. Мама обеспокоенно потрогала мой лоб, заставила измерить температуру, убедившись, что температура нормальная, все-таки разрешила мне побыть дома.

– Очень уж ты бледная, и глаза красные, – сказала мама. Велела пить чай с лимоном и медом и ушла на работу.

До полудня я не вылезала из-под одеяла, но не спала. Лежала и смотрела в потолок, грезила. Планы мести, один страшнее другого, роились у меня в голове. Вот бы явиться к Пашке и его компании прямо на Новый год и испортить всем праздник, а еще лучше – встретить эту блондинку из соседней школы и рассказать ей все, да еще и приукрасить так, чтоб она испугалась и бросила моего, то есть уже не моего. А, ну их!

Нет, надо встать прямо сейчас и пойти в школу. Он выйдет после занятий, и все ему выскажу.

Разумеется, я не встала и никуда не пошла. Лежала и страдала в одиночестве. Правда, не слишком долго. Кто-то позвонил в дверь.

Как была, в ночной рубашке, поплелась открывать. Оказалось, Дашка прибежала.

– Ты почему телефон отключила? – с порога завелась она.

Я вздохнула и молча посторонилась. Дашка вошла, посмотрела на меня сочувственно, стащила куртку:

– Что, совсем плохо?

Она держала куртку на весу, как будто не могла решить: остаться или уйти.

– Простыла, кажется, – соврала я. – Проходи, чего стоишь.

Повернулась и пошла на кухню. Дашка за мной.

– Было что-нибудь? – спросила я равнодушно, имея в виду школу.

– Нет, ничего особенного, – с готовностью отозвалась Дашка. Я хотела спросить, видела ли она моего, то есть, тьфу ты, совсем не моего, но не спросила. Вместо этого, хмуро глядя на ни в чем не повинную подругу, выложила свою новость:

– Я на Новый год еду в деревню.

– Вот как, – растерялась Дашка.

– Да, – безжалостно продолжила я, – мама попросила, там у нас живут родственники. Точнее, мамины престарелые тетюшки. Им скучно, так что буду их развлекать.

Я нервно засмеялась.

– А что мне еще остается?! Проведу чудесные каникулы в глуши в обществе старушек. Будет время подумать. И вообще, это даже к лучшему, – закончила я.

Дашка растерянно моргала. Она сидела сжавшись и смотрела на меня с жалостью. Терпеть не могу, когда меня жалеют.

– Ну, что же ты молчишь? Не рада за меня? – Я смотрела на нее почти с ненавистью.

– Лиса, можно я поеду с тобой? – неожиданно спросила подруга.

– Ха! Тебя тоже привлекает Новый год в деревне? – опешила я. Еще бы, Дашка добровольно обрекала себя на то, на что я согласилась от безысходности.

– Я никогда не проводила Новый год в деревне, – призналась Дашка, – и потом, мне совершенно нечего делать здесь без тебя.

– Вот как? – Я задумалась. В самом деле, выходит, Дашка тоже пострадавшая. Ведь наши планы были общими. Не думаю, что она захочет провести праздник в обществе моего бывшего парня и его новой девушки.

– Ты уверена? – на всякий случай переспросила я.

Дашка пожала плечами.

– А родители отпустят?

– Конечно, отпустят! – воодушевилась Дашка. – Мы же едем в деревню к твоим бабушкам, что может быть безопаснее?

– Что ж, так и быть, поедем, – вздохнула я, – вдвоем все-таки веселее.

Глава 3

Сестры

Оставшиеся две недели я старалась не попадаться на глаза этому предателю, удалила номер из телефонной книжки и заблокировала его звонки и почту. Дашка по моему совету сделала то же самое.

Честно говоря, он, судя по всему, не особенно настаивал. В этом и заключалась главная обида. Я до последнего надеялась: вот, прямо сейчас, прозвонит звонок, подойду, он стоит за дверью, такой жалкий и униженный, в руках у него роза на длинном шипастом стебле, бледен, руки исколоты. И ах, он говорит: «Прости меня, Василиса». Нет, так бы он никогда не сказал, он бы сказал: «Заяц, хватит обижаться, я же только тебя люблю». Опять «заяц»! Он же и ее так назвал! Ненавижу зайцев! Прекрасные мечты разбивались на мелкие осколки и таяли, словно утренняя роса, слезы солнца. Как поэтично! Тоже мне – слезы солнца! – Я передразнивала сама себя. Не хватало еще, чтоб снова начала реветь...

Ну вот, реву, слезы сами по себе текут по мокрым щекам и не думают высыхать. Как он мог!

Правда, редела я только в одиночестве. Как только появлялась Дашка и мы с ней выходили на улицу, лицо у меня становилось каменным. В школе я изо всех сил излучала дружелюбие и старалась поменьше болтать, а уж тем более – отвечать на вопросы.

Когда поняла, что от любопытных не отделаться, нагнала туману о каких-то невероятных приключениях и путешествиях. Дашка не отставала. Так мы и продержались.

Накануне я проинструктировала ее насчет того, что с собой брать, что надевать и чего брать не надо ни в коем случае.

В мой список необходимых для деревни вещей вошли: джинсы, теплые свитера, носки и колготки, удобная обувь, лучше всего ботинки на меху, шапка или платок, пижама, домашние тапочки, а также спортивный костюм, теплая куртка, варежки и далее стандартный набор мелочей, белья, косметики и прочего.

Выяснилось, что из всего перечисленного у Дашки имеются только джинсы и свитера. Она запаниковала.

– Ничего, – сжалась я, – найдем полноценную замену.

– Вместо теплой куртки я надену короткую шубку, она мутоновая и очень теплая.

Градусник за окном показывал что-то около нуля. Вместо снега серое месиво. Конечно, куртка лучше всего. Но легкая Дашкина курточка не годилась для деревни, поэтому я подумала и одобрила шубку.

– У мамы есть белый платок, он из пуха, – доложила Дашка.

– Сойдет.

Итак, наши сборы завершились. И 31 декабря за мной зашла Дашка, закутанная, как младенец. Зато вид у нее был совершенно деревенский.

На мне были пуховик, джинсы, ботинки и лисья шапка с длинными ушами. Я засмеялась:

– Мы прямо как две неваляшки.

– А я и чувствую себя неваляшкой, – призналась Дашка.

Получив последние напутствия от родителей, сели в электричку и отправились в неизвестность.

Дашка прилипла к окну и смотрела на проносящиеся улицы и дома, потом их сменили деревья и станционные вокзалы, замерзшие реки, железнодорожные мосты, полустанки.

Мы мало говорили. Я наблюдала за людьми. Они входили и выходили, веселые, нагруженные сумками с провизией и подарками, они торопились к своим близким, друзьям, родным,

даже пьяных еще не было. Все предвкушали праздник. Я не заметила угрюмых лиц, даже старушки куда-то торопились, живо семенили по проходам, толкая сумки с колесиками. Радость ожидания – у всех, кроме меня.

Чтоб хоть как-то отвлечься, я купила журнал с гороскопами. Прочитав его, расстроилась еще больше. Судя по всему, астрологи просто издевались надо мной. Они обещали полный романтических приключений праздник, незабываемые встречи и новую любовь. Где я все это возьму?

С досадой отшвырнула журнал. Дашка подхватила его и пробежала глазами свое предсказание. Естественно, она осталась довольна. Ей-то что! Никто ее не бросал. Она едет в гости. Наверное, напридумывала себе всякой экзотики. Ну, ничего, сама напросилась. Вот доедем, посмотрю, как она вззоет от скуки!

Вот такая я была злая и вредная. Вместо того, чтоб поблагодарить подругу за то, что она скрасила мое одиночество в новогодней ссылке, я злорадно предвкушала Дашкино разочарование.

– Приехали, – сказала, когда электричка замедлила ход.

Дашка с сожалением оторвалась от окна, сунула журнал в сумку и пошла за мной.

Мы выбрались на платформу, поднялись на мост, спустились и направились к автобусной остановке на привокзальной площади.

На площади развернулась предновогодняя ярмарка; палатки, киоски, машины, в глазах рябило от елочных игрушек, гирлянд, новогодних костюмов, ярких этикеток, множества людей.

Мы протиснулись сквозь толпу к своему автобусу, и вскоре он, кряхтя и переваливаясь, выехал с площади и, подпрыгивая на ухабах, повез нас дальше. Всю дорогу мы висели на поручнях, зажатые сумками, елками, свертками, коробками и пакетами, спинами и плечами, среди гомонящих детей и женских возгласов.

К своему стыду, надо признаться, последний раз я была у бабушек в начале прошлого лета. Да и то недолго. А ведь раньше я часто ездила с родителями в деревню. Я любила бабушек. У меня было много друзей среди местных ребят. Но постепенно деревенские развлечения перестали меня интересовать, как-то так вышло.

Конечная остановка. Выбрались наружу, и я поняла, что мы оказались совсем в другом мире.

Все вокруг: и магазин через дорогу, и церковь, и низкие домишки, и деревья – все было покрыто белым снегом. Небо расчистилось, снег искрился на солнце, так что было больно глазам. Дым из печных труб поднимался в морозное небо, на лапах елей лежали целые сугробы сверкающего снега.

– Красиво, – почти пропела Дашка, жмурясь. – Как в сказке.

– Угу, – только и буркнула я в ответ и потопала через дорогу. Дашка торопливо припустила за мной.

Дорогу я помнила хорошо.

Когда-то старшая из сестер, Натуся, показала мне прямой путь через детский садик, где она работала. Там была дыра в заборе. Сама же Натуся ее и проделала, садик граничил с огородом сестер. Потом был ремонт, дыру заделали. Так что нам с Дашкой пришлось обходить по улице.

Вот он, дом тетюшек – на высоком фундаменте. Сам дом небольшой, с множеством окошек, глядящих во все стороны. Заброшенный палисадник, протоптанная дорожка к крыльцу. Мы с Дашкой тщательно потопали и обмели обувь веником.

В сенях я крикнула:

– Есть кто дома?

Обитая войлоком дверь распахнулась, выпуская наружу клубы пара:

– Ой, кто к нам приехал! Натуся! Иди скорей, гости у нас! – На пороге появилась улыбающаяся тетка-бабушка Клавдия, или Клаша, как ее называли у нас в семье.

– Заходите скорее, – поторопила она, – чтоб дом не выстудить.

Я толкнула растерявшуюся Дашку вперед и вошла следом.

Большая печь, казалось, негромко гудела, позвякивали крышки кастрюль, кухня была наполнена вкусными запахами. Сестры явно готовились к празднику. Меня расцеловали, Дашке по очереди чинно пожали руку.

Бабушки наперебой расспрашивали о том, как мы доехали, да как родители, да что в школе, при этом они успели освободить нас от многочисленных одежек. Несмотря на отвратительное настроение, я невольно улыбалась, позволяя неугомонным старушкам ухаживать за мной, как за маленькой.

– Какие молодцы! – восхищалась Клаша. – А мы уж и не ждали. Вам, молодым-то, в городе-то, конечно, веселее, я и сама, как была помоложе, все, бывало, в город ездила.

Дашу усадили, и она замерла на стуле, во все глаза разглядывая сестер.

Они совсем не были похожи. Старшая, Натуся, маленькая и худенькая, одевалась по-деревенски: темная юбка, кофта с рукавами, платочек, фартук. Клаша была выше, полнее, пышные, темные с сединой волосы красиво закалывала на затылке и носила городскую одежду.

Я вспомнила о гостинцах, спохватилась, раскрыла сумку:

– Вот, тут мама положила.

Бабушки замахали руками:

– Ишь, каких разносолов навезли! Ни к чему было тратиться, у нас всего припасено и приготовлено!

Но я видела, как покраснелись они от удовольствия, с каким интересом рассматривали упаковки и коробки.

Сестры споро накрыли на стол «перекусить с дорожки».

– Ну, теперь закатим пир горой! – сказала Натуся.

И снова я вспомнила о том, каким у меня должен был быть этот Новый год. Вспомнила школьное крыльцо, и телефонный разговор, и «зайца». Помотала головой, чтоб разогнать дурные мысли. Надо чем-то себя занять, не пялиться же до ночи в телевизор. Вот если бы бабульки погадали мне на картах. Они знатные гадалыщицы.

Я вяло щипала кусок булки.

– Что-то ты, Василиса, какая-то грустная, – заметила Натуся, – болит чего?

– Нет-нет, – отказалась я.

– Это у нее, должно быть, сердешная рана, – пошутила Клаша. Я вздрогнула, бабушка попала в точку. Так и есть, у меня была «сердешная рана», а такие раны, как известно, не лечатся.

– Бабушки, давайте мы что-нибудь поможем сделать, – предложила я, уходя от ответа.

– Нешто вы работать приехали? – возмутилась Натуся. – Аль мы немощные какие?

– Не обижайся, бабушка, я не в том смысле. Воды можем принести, в погреб слазить. Надо же чем-то заняться до вечера!

– Ну, коли так, то до колонки сходите, – согласилась Натуся, – а лучше прогуляйтесь по солнышку, пусть все видят, что у нас гости.

Сестры не позволили нам убрать со стола. И, прихватив по ведру, мы с Дашкой отправились «по воду», а точнее – «себя показать», как выразились бабушки.

Дашка шла за мной по тропинке, протоптанной в снегу, позвякивала ведром. У колонки мы остановились, поздоровались с соседкой. Поздоровали друг друга с наступающим. Мы выслушали похвалы, мол, какие мы хорошие, не забываем бабушек и прочее, потом я снова поведала все городские новости, то есть, как обычно, разговоры у колонки заняли минут пятнадцать. Наконец мы набрали воды. Раскрасневшаяся на морозе Дашка не выдержала:

– Прикольно тут, – призналась она, – я же никогда в деревне не была, такая экзотика! Думала, так не бывает.

– Выходит, тебе нравится? – вздохнула я.

– Очень необычно, – ответила Дашка, – слушай, а расскажешь побольше о своих бабушках?

– Ладно, давай воду отнесем, потом расскажу.

Глава 4

О бабушках и не только

Натусю и Клашу я помнила столько же, сколько себя. Это сестры моей бабушки, маминой мамы. Моя бабушка – средняя сестра, она давно уехала из родной деревни, вышла замуж за дедушку и жила отдельно от сестер. У Натуси есть взрослый сын, двоюродный брат моей мамы, он тоже живет в другом городе. А воспитывали его сестры вдвоем. Потому что Натуся рано потеряла мужа. Клаша замужем вообще не была. В детстве она сильно повредила ногу и на всю жизнь осталась хромой. Правда, она никогда не унывала, да еще и других поддерживала.

Однажды я гостила у сестер летом и заболела. Была высокая температура, я лежала на кровати и страдала, с тоской глядя на яркую картинку за окном, – лето выдалось солнечным. Хотелось бегать, играть, купаться в реке, а вместо этого – постельный режим, лекарства, слабость, да еще и сыпь по всему телу. Я ужасно переживала из-за «прыщиков». Но приходила Клаша с работы, приносила в кульке бордовые крупные вишни, гладила меня по растрепанным волосам и утешала:

– Почто тужишь?

Я хныкала:

– Да-а-а, тебе хорошо, а я тут лежу-у-у.

– Немножко можно полежать, – успокаивала Клаша, – мне бы кто сейчас разрешил, я бы с удовольствием!

– Конечно, ты не болеешь! – ныла я.

– А ты разве болеешь? – удивлялась она.

– Доктор сказал – болею, – я обиженно шмыгала носом и меланхолично поела сладкие вишни, – да еще эти прыщички! Я теперь некрасивая!

– Да что ты? – удивлялась Клаша. – Какие прыщички? Эти-то? Так они скоро совсем сойдут. А мы тебе сейчас косу-то расчешем, и будешь ты красавица-раскрасавица!

Она бережно расчесывала мои спутанные волосы, плела косу и рассказывала чудесные истории «из жизни». Правда, эти истории были больше похожи на сказки, потому что Клаша, таинственно понизив голос, повествовала о ведьмах и колдунах, она пересказывала вещие сны, передавала свои и чужие воспоминания о явлениях Святых Угодников, о таинственных и невероятных приключениях, чудесных исцелениях, о зле и добре, причем в ее историях добро неизменно побеждало, а зло всегда было наказано.

Все это я рассказала Дашке, пока мы гуляли по деревне. Подруга тихонько ахала.

– Ты помнишь какую-нибудь из тех историй? – спросила она.

Я усмехнулась:

– Я много чего помню: как ведьма заколдовала Митрофаныча, как его вылечил добрый знахарь, а ведьма потом пыталась переплясать свое зло на перекрестке. Между прочим, я ее видела. Про колдуна помню. Очень страшная история. И еще мои бабушки умеют гадать на картах и знают много разных старинных заговоров.

– Да ну! – Глаза у Дашки сделались круглыми, она даже моргать перестала.

– А вот ты сама у них и узнай, – посоветовала я, – чтоб не думала, будто я вру.

– Я не думаю.

Мы вернулись в сумерках. Окошки дома светились по-новогоднему, отбрасывая на сугробы золотые искры. С улицы исчезли последние редкие прохожие.

Мы вошли в дом. Сестры освободили большой круглый стол, накрыли его белой скатертью. Клаша трудилась на кухне, Натуся возилась с посудой, тщательно перетирая заветный хрусталь, который доставался с полок только по большим праздникам. Мне не терпелось

как-нибудь улучшить минутку и попросить Натусю или Клашу погадать мне на картах. Но вместо этого меня послали в погреб за квашеной капустой и мочеными яблоками, потом я помогала «резать салат по-городскому». То есть крошила картошку, огурцы, яйца и колбасу. Время бежало незаметно. Оглянуться не успели, как уже было десять часов.

– Пора, – торжественно сказала Клаша, – девочки, давайте переодевайтесь к столу. – И важно уплыла в свою комнату. Мы с Дашкой переглянулись:

– Ой, – пискнула она, – я же не взяла с собой ничего нарядного.

– Я тоже. Ладно, выкрутимся.

У меня с собой были вторые джинсы и голубая рубашка, у Дашки нашлись красная кофточка и черные брюки. Мы надели все это и посмотрелись в большое допотопное зеркало, вделанное в створку шкафа.

– Хороши! – хихикнула я.

– Нечего сказать, – согласилась Дашка.

В таком виде мы и явились к столу.

Сестры ждали нас. Натуся в коричневом шерстяном платье с неизменным платочком на голове. Клаша в шелковой блузке с многочисленными рюшами и серой юбке. Даже губы подкрасила.

В большой комнате тараторил древний телевизор, поблескивала мишура на елке, мигал огонек лампадки под темными образами в «красном углу». Остро пахло мочеными яблоками и салатом «Оливье».

Бабушки оглядели нас и, кажется, остались довольны.

Мы расселись у стола.

– Еще кого-то ждем? – спросила я.

– А как же, – подтвердила Клаша, – соседи зайдут: тетя Феня, Митрофаныч, Люба, да ты их знаешь.

Я покорно вздохнула. Конечно, я знала и старинную подружку сестер тетю Феню, и старика Митрофаныча, и врачиху Любовь Петровну.

Новый год приближался.

Глава 5

Двенадцать ударов

За окнами послышался скрип снега. К нам шли гости. Клаша встала из-за стола и заторопилась к двери. Мы тоже поднялись.

– Клаша, с наступающим! – послышались голоса. – А где Натуся-то?

– О, да у вас гости!

– Может, мы не вовремя?

– Проходите, проходите! – приглашала Клаша. – У нас радость сегодня, внучка с подружкой приехали.

В комнату вошел Митрофаныч – соседский дедок, небольшого роста, по случаю праздника одетый в выходной костюм. В руках у него была гармошка в потертom футляре. Митрофаныч осторожно сгрузил ее на диван, потом пригладил расческой редкие седые волосы, поздоровался с нами за руку, оглядел хозяйским глазом стол.

– Богато живете! – похвалил.

– Не жалуемся, – отозвалась Клаша, – чего и тебе желаем.

– Рассаживайтесь, без чинов, – пригласила Натуся.

Дашка наступила мне под столом на ногу.

– Тот самый? – шепнула и покосилась в сторону Митрофаныча.

Я едва заметно кивнула.

Между тем гости расселись. Полная круглолицая тетя Феня рядом со мной, за ней Митрофаныч, потом Любовь Петровна, дальше Клаша с Натусей, Дашка, и круг замкнулся – снова я.

Митрофаныч, поблескивая глазами на бутылки, расставленные в центре стола, предложил:

– Ну, что? Проводим старый год?

– Давай, Митрофаныч, – поддержала Клаша, – ты один у нас мужчина, тебе и карты в руки.

Гости и хозяйки радостно чокнулись и выпили залпом. Нам с Дашкой тоже капнули вина в хрустальные рюмки. Дашка все еще смущалась, но от еды не отказалась, наворачнула и салатiku, и разварной картошки, и кусок курицы. Я повозила вилокoй в тарелке и обошлась моченым яблоком.

Старики раскраснелись, заговорили громче, вспомнили прошедший год и прошедшую юность. Они то и дело обращались к нам, спрашивали о родителях. Митрофаныча интересовала работа отца, когда у него отпуск, поедет ли он в этом году куда-нибудь. Митрофаныч любил рыбачить с отцом. Старикам все было интересно, приходилось отвечать обстоятельно и подробно. Даша все время ерзала. Наверное, ей не терпелось самой порас-спросить старичков, но она не знала, с чего начать.

Клаша поглядывала на часы и на экран телевизора.

– Митрофаныч, сейчас президент будет говорить, готовься, – напомнила она.

– А я всегда готов! – напыжился он.

– Шампанское готовься открывать, – засмеялась Клаша.

Митрофаныч неловко взял бутылку, рассмотрел этикетку:

– Ишь ты, давно я их не открывал, баловство это. – Он побряхтел и начал осторожно снимать пробку.

Из телевизора послышался переливчатый бой курантов. Пробка вырвалась из бутылки, ударила в потолок. Старушки загомонили, потянулись с рюмками к шипящей пене.

Снова чокнулись, поздравили друг друга:

– С Новым годом!

– С новым счастьем! – Уселись.

– Вот и Новый год, – сказала Клаша, – что же, Митрофаныч, давай споем, что ли?

– Можно, – согласился он.

Я посмотрела на Дашку, она клевала носом.

«Вот и все, – подумала, – сейчас они споют „Ой, мороз, мороз“, потом еще что-нибудь, и разойдутся по домам. А мы пойдем спать».

– Что это молодежь приуныла? – внезапно спросил Митрофаныч.

– Нет, ничего, все нормально, – встрепенулась Дашка.

– Девочки, вы в клуб не пойдете, что ли? – поинтересовалась тетя Феня.

– И правда, – подхватила Натуся, – с нами небось скучно, пошли бы на гулянье-то.

– Куда? – не поняла Дашка.

– В местном клубе танцы устроили, – объяснила я. – Хочешь пойти?

– Я – как ты, – сказала Дашка.

– Какие девчонки нерешительные пошли, – посетовал Митрофаныч, – раньше-то, бывало, за уши от клуба не оттащишь, а теперь все манерные какие-то.

Старушки рассмеялись.

– Им одним боязно, – вступилась Натуся.

– Так мы проводим, – бодро заявил Митрофаныч. – Сейчас прямо и пойдем. Ну-ка, девочки, одеваться! Живо!

Он ловко ткнул еще рюмку, вскинул баян на плечо.

– Орел! – пошутила Клаша.

– Кровь у них, у молодых, жидкая, – хорохорился дед. – Мы покрепче были.

Вскоре я и Дашка под предводительством компании бабушек и деда высыпали на ночную новогоднюю улицу. Кое-где во дворах запускали салюты, мигали огоньки гирлянд в окнах и на деревьях перед домами. Деревня праздновала.

Митрофаныч развернул гармошку.

– И-эх!

Цыганочка Аза, Аза,
Цыганочка черноглаза,
Цыганочка черная, ты мне погадай! —

гаркнул он на всю улицу.

Бабушки подхватили:

В роще моей
Пел соловей,
Спать не давал он теще моей.
В рощу пойду,
Убью соловья;
Спи теперь спокойно, теща моя!

Дашка прыснула, закрывая ладонями лицо.

Мы шли с музыкой и песнями, то и дело останавливались, поздравляли знакомых и незнакомых.

Глава 6

Старые друзья и новые знакомые

В результате до клуба добрались во втором часу.

Народу набилось так много, что мы с трудом протолкнулись к раздевалке. Но и здесь было не лучше: на каждой вешалке висело по несколько пальто и курток, одежда была навалена на стулья и прилавки. Публика всех возрастов, от малышни до древних старушек, двигалась, сидела, стояла, смеялась, собиралась компаниями и разбивалась на парочки. Наши бабушки сразу же встретили других бабушек, которые работали в клубе. В результате нас отвели в подсобное помещение, где мы и смогли раздеться. Потом наши старики куда-то испарились, а мы с Дашкой протиснулись в зал, где всюду гремела музыка и топтался празднично разодетый народ. Лопались хлопушки, сыпалось конфетти, летали спирали серпантина. Под потолком крутился зеркальный шар, разбрасывая лучи света.

– Вау! – только и произнесла Дашка.

– А ты думала, – со знанием дела подтвердила я, – дискотека – прошлый век.

– Же-е-есть! – восхитилась Дашка.

– Как сказала бы моя мама: заповедник гоблинов, – буркнула я.

Дашка засмеялась:

– Как? Заповедник гоблинов?

– А что же еще?

– Ладно, не придирайся, – попросила Дашка. – Зато тут весело.

Я не ответила, крутила головой в надежде увидеть знакомых девчонок или ребят. Дашка самозабвенно приплясывала рядом.

Кто-то тронул меня за руку. Я обернулась.

– С Новым годом! – заорал над ухом какой-то парень, стараясь перекричать музыку. Я с трудом узнала своего давнишнего приятеля. Не удивительно, ведь мы не виделись больше года. Я-то помнила шустрого и озорного пацана, с которым когда-то гоняла на велике, бегала на реку и в лес, даже дралась. Он изменился.

– Юрка, ты?

Он кивнул, улыбаясь до ушей:

– Какими судьбами?

– Вот, приехали с подругой в гости, – я повернулась к Дашке.

– Привет! – крикнул Юрка. – С Новым годом!

Дашка поздравила его, не переставая танцевать. Увлеклась подружка.

– Вы одни? – спросил Юрка.

– Да.

– Тогда идем к нам. – Он схватил меня за руку и потащил сквозь толпу. Даша вцепилась в другую мою руку, так и двигались, паровозиком.

Юркина компания расположилась у самой сцены. Все танцевали, образовав круг. Привилегированное место. Юркин старший брат исполнял обязанности диджея.

Стоило нам подойти, как девчонки недовольно поджали губки. Приревновали. В отличие от нас они были в платьях: розовый и голубой атлас, пестрота красок, множество бижутерии, завитые волосы, раскрашенные лица. Кажется, их было четверо, но я могла и ошибаться – в толчее всех не разглядеть. Юрка прокричал мне в ухо, как кого зовут, я, естественно, не запомнила.

Юркин брат поколдовал с аппаратурой, зазвучала медленная музыка, он спрыгнул со сцены и пригласил меня танцевать. Причем одна из девчонок, в голубом, покраснела от досады.

Краем глаза я заметила, что Дашка танцует с Юркой. Девчонки сбились в кучку и хмуро поглядывали на нас. Еще бы! Явились две городские цацы, как снег на голову! Юркин брат что-то спрашивал, я отвечала, должно быть, невпопад. Чувствовала себя неловко под взглядами брошенных разнаряженных местных красавиц. Вот, испортила людям праздник...

Внезапно нашу пару разбил незнакомец:

– Саша, иди, займись музыкой, – посоветовал он Юркиному брату. Тот с неохотой отпустил меня. Незнакомец шутливо поклонился и даже сделал вид, как будто прищелкивает каблуками. Я довольно равнодушно взглянула ему в лицо, равнодушно отметила про себя «симпатичный». И так же равнодушно положила руки на его плечи. Последовал обмен поздравлениями.

Вместо медленной грянула стремительная попсовая песенка. Мы с незнакомцем отступили друг от друга. Я развела руками. Парень засмеялся:

– Сашка, гад! – крикнул он, повернувшись к сцене, и в шутку погрозил кулаком. Саша сделал вид, что не увидел.

Откуда ни возьмись подлетел Юрка, подмигнул мне:

– Уже познакомились? Это Глеб, он тоже из города.

Глеб обрадовался:

– Ты здесь в гостях? – спросил он.

– Ага, – вместо меня ответил Юрка. – Девушку зовут Василиса, а это ее подруга Даша. –

Он подтолкнул Дашку вперед, за ее спиной маячил еще один парень. Глеб заметил его и перебил Юрку:

– Знакомьтесь, девчонки, это мой друг Олег.

Даша повернулась, улыбнулась Олегу и сказала:

– Мы уже познакомились.

Но Олег не обратил на ее слова никакого внимания, он не отрываясь смотрел на меня, взгляд у него был тяжелый. Светло-серые глаза чуть навывкате, как у рыбы, бледное лицо, тонкие белесые волосы. Он мне совсем не понравился. Я отвернулась от него и сосредоточила все внимание на Глебе. Юрка снова растворился в толпе, кажется, его потащила танцевать одна из атласных девочек.

– Давайте отойдем, чтоб никому не мешать, – предложил Глеб. И мы пробились к стене. Олег и Глеб чуть задержались. Я оглянулась. Олег что-то говорил Глебу, а у того лицо сделалось такое озабоченное и недовольное. Но он кивнул соглашаясь. Потом посмотрел в нашу сторону и снова улыбнулся как ни в чем не бывало.

– Что-то я раньше никогда тебя не видел, – заметил он, когда мы укрылись в углу.

– Я тоже тебя не видела.

Определенно, он был очень симпатичный. Густые русые волосы, открытое лицо, смеющиеся серые глаза. Если бы еще рядом не маячила рыба физиономия Олега!

– Ребята, идемте же танцевать! – настойчиво просила Дашка.

Видимо, Сашка перестал обижаться, потому что включил медленную музыку.

Я едва успела заметить молниеносный взгляд. Олег и Глеб переглянулись, и Глеб пригласил Дашку. Олег решительно взял меня за руку. Я сжала зубы. Ладно, потанцую в честь праздника, сделаю одолжение.

Пока мы танцевали, Олег вежливо расспрашивал: где учусь, где живу. Я отвечала обстоятельно, не хотела показать, что он мне неприятен. В конце концов, он не сделал мне ничего плохого. Но когда музыка кончилась, я вздохнула с облегчением. Поспешно отстранилась от него и стала искать глазами Глеба с Дашкой.

Они подошли к нам довольные и веселые. Глеб даже за плечи ее приобнял, а Дашка вела себя так, как будто они с Глебом старые друзья. Мне сразу захотелось уйти в тихий домик с маленькими окошками. Натрескаться салату и уснуть перед телевизором.

Но у Дашки были другие планы.

– Вам тут нравится? – спросил Глеб.

– Не очень, – ответила я.

– Прикольно, – сказала Дашка и осеклась.

– Сбежим? – предложил Глеб.

Он нравился мне все сильнее, даже домой расхотелось. Еще бы Олег куда-нибудь прова-
лился, и было бы совсем хорошо.

Дашка вся светилась от счастья.

Меня прямо-таки стукнуло.

– Дашка!

Ему нравится Дашка.

А мне, значит, предоставили Олеженьку с рыбьими глазами?

Кушайте с булочкой, не обляпайтесь!

Нет уж, спасибо! Сыты по уши!

Я разозлилась.

– Ну, так как? – не отставал Глеб. – Бежим?

Трудно было устоять против его улыбки.

Я посмотрела ему в глаза и подумала: «А вдруг?»

– Куда идем? – довольно бодро спросила я.

– К нам, – тут же отозвался Глеб.

Я покачала головой:

– Исключено.

– Почему?

– Знаешь, как-то неправильно это, мы вас впервые видим, и вообще...

Глеб растерялся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.